

Глава I

Я должна была остановиться. Я должна была смотреть по сторонам. Я должна была высунуть голову из виртуальных облаков и оторвать глаза от сообщения. Кажется, это было так глупо, так банально, так постмодерново, умереть вот так просто, но это именно то, что я сделала. Мне просто нужно было прочитывать последние обновления на Facebook. Что же ты делаешь, одноклассница Сьюзан Талгар? Что же ты делаешь в эту самую секунду? Я должна, должна знать. Ага, хорошо, ты загадала слово «восхождение» в игре в слова.

С друзьями!

Только представьте себе: я, поглощенная уличным потоком, цокаю каблуками своих именных туфель. Представьте себе эту милосердную погоду и то, как сама матушка-природа наконец позволила прогуляться без куртки и насладиться ароматом молодых цветочков, листочков и молодым воздухом, словно даже небо вдохновилось весной. Понимаете, какие надежды мы возлагали на этот майский день? Все мы, я и эти занятые, загипнотизированные незнакомцы; мы шли вперед, пока наши мозги заглатывали миллиарды битов и байтов информации из девайсов в наших руках, что держали нас в полном неведении; если не считать того, что все остановились на красный свет. Все, кроме меня. Видимо, только мне посчастливилось иметь такую гениальную подругу, как Сьюзан Талгар, которая с нечеловеческой легкостью ставила других в тупик своими острыми словечками.

Высокая решетка ударяет меня в бок, я отлетаю вперед и немного вверх, согнувшись, словно бесхребетная кукла, пока мой лоб служит осью моему сотрясающемуся телу. Крошечная

галька впивается мне в нос и щеки — все это, несомненно, случилось быстро, но так медленно для меня.

Содрав кожу с рук, ног и лица в горячем падении, я фокусируюсь максимум на секунды три на двух вещах. Первая — это мои красные каблукки, торчащие из железной решетки какого-то чудовищного грузовика — бронированного, пожарного, курьерского, не знаю, большого грузовика. Каким образом законы физики вступили между собой в сговор, чтобы создать этот коллаж из грузовика и шпилек, было неподвластно моему ничтожному уму редактора-фрилансера.

Вторая вещь — это моя открытая кожаная сумка и ее оторванная ручка. Застежка с серебристой пряжкой стучит по коже, словно палец стучит по столу. Все содержимое извергается наружу. Бумажки и фотографии кружат вместе с ветром, цепляясь за щиколотки оцепеневших пешеходов: некоторые из них стояли, закрыв рты ладонью, некоторые, прикрыв глаза детям, кричали, а одна женщина бросилась ко мне. Содержимое сумки, которое казалось столь важным каких-то пару минут назад, отлетело к входу в метро, к окнам магазинов и ресторанов: отредактированная мною рукопись одного моего клиента, рисунки моего милого сына Айвана для Малой лиги и план на лето Джека (отца Айвана) — он не менялся с момента рождения Айвана.

Кроме того, из сумки выпала книга под названием «Единственный и неповторимый Айван». Я читала ее сыну перед сном — он любил главного персонажа, гориллу, не думаю, что дело лишь в его имени. «Айван» падает на бордюр и ударяется своими чистыми страницами. Все вокруг гремит, хлопает, кружится, колеблется, сотрясается, в отличие от обомлевших зевак от вида сломанной меня — все слишком шокированы, чтобы собрать детали моей прелестной жизни воедино.

Проходит три секунды, и все сирены, которые я слышала, замолкают, тухнет и солнечный свет, и бормочущий лязг мотора грузовика. Люди молча плятятся, а их движения становятся белыми, а затем и вовсе темнеют.

Каким было то слово? *Восхождение*? Ах ты, жестокий, умный мир. Грязный, маленький дьяволенок. Мерзкий, мерзкий хитрец. Снова меня вокруг пальца обвел.

Глава II

Ной

Я оказалась в чудесном парке с пышным, ярким травяным покровом и деревянной тропинкой. Я пошла по этой тропинке мимо неуловимых ручейков и почувствовала, как солнце коснулось моего лица. Я пошла за лучиком. День ускользнул, и опустились сумерки.

В сумеречном воздухе я наткнулась на узкий мостик. Пересечь его мог только пешеход или гольф-корт, ну или местный олень, или какой-нибудь полевой кролик. Этот мост с вырезанными вручную ступеньками и газовыми лампами, он прекрасен, вам так не кажется?

Все вокруг моста и даже внизу, в долине, кружится, а изогнутые ветви деревьев борются за свободное место, будто тысяча людей пришли на вечеринку свитеров и все меряют свитера, натянув их на головы и застряв локтями, а когда пытаются их снять, то снова застревают. Кривые, изогнутые, длинные, короткие, напряженные, вытянутые, высокие и низкие, повсюду

эти узловатые конечности. А еще они старые, как слоновий хобот с коленями, а их толстая кожа и морщины — это результат многолетней мудрости. Да и цвет тоже: естественный серо-коричневый.

Листья шелестят в быстром танце, словно хихикая от радости. Глядя на верхушки деревьев, густые, как брокколи, я не смогла вспомнить более идеальное небо, разве что то, нарисованное Ван Гогом. Ну, вы ведь знаете картину «Звездная ночь», с тем самым синим небом цвета планеты Земля. А в том лазурном небе танцуют белые, да, по-настоящему белые звезды; ниточки от их верхушек, отражаясь в океане, касаются своих же отблесков.

Никакого холодного бриза. Никакой сжигающей жары. Кажется, золотое сияние газовых ламп в туманной металлургии остужает мое тело до температуры воздуха — словно моя кожа сливается с ночью, между мной и этим пейзажем полностью размываются границы.

Кое-как я подхожу к подножию моста и думаю, была ли я здесь раньше, а если нет, то почему. Как я могла упустить столь прекрасное место? Меня обманули? Имела ли смысл вся моя прежняя жизнь? За что мне пришлось пройти все эти испытания, если все это время меня ждало это место, за что?

Что-то, кто-то стоит прямо напротив меня, по ту сторону моста. Он держит руки в карманах. И смотрит на меня. Молча. В газовом свете я смогла определить, что ему лет тридцать пять, как и мне, словно он вместе со мной продолжал взрослеть. Словно он не получил травму и не умер, прежде чем нам исполнилось по двадцать три. Его белокурые волосы были несколько короче, чем в молодости, но его голубые глаза по-прежнему излучали свет. А еще он жив. Ной. Жив. Он шагает прямо ко мне, крепкими и уверенными шагами. Он проводит рукой по волосам, и морской браслет, который я отправила ему в центр реабилитации, касается рукава его куртки. Я просто стою и, пытаясь удержать равновесие, с удивлением осознаю, что он все-таки надевал этот браслет.

Я смотрю на Ноя, да, Ноя, который ждет меня по ту сторону моста. Моя любовь, мой Ной, за которого я вышла бы замуж,

если бы он тогда не сломал позвоночник, если бы только дал мне шанс пройти через все это вместе. Я помню, как репетировала клятвы, то, как мерила мамино свадебное платье. Конечно, все эти мечты могли быть лишь выдумками вчерашней школьницы, но тогда, еще до травмы, все чувствовали в нас глубину.

Я попыталась перебежать мост и броситься в его объятия, но он протянул ко мне руку, словно огромный фен.

— Стой. Стой. Я сам подойду, — сказал он.

Ной — единственный, кто пришел меня встретить. Царапая безымянный палец большим, я ощутила отсутствие чего-то, чего никогда там не было. Я представила себе Джека, отца моего сына, но прямо перед собой видела Ноя. Две боли. Два взрыва. Две любви, которые охватили большую часть моей жизни.

Ной притронулся своей теплой рукой к моему лбу и, отодвигая большим пальцем прядь моих волос, внимательно посмотрел мне в глаза. До чего же он близко, спустя столько лет, и теперь все эти бесконечные секунды без него просто растворяются в его дьявольском подмигивании. Его сладкое дыхание свежего меда, я снова ощущаю его дыхание. Камень, что давит мне на грудь, поднимается, и из моих легких уходит воздух. Ной наклоняется ко мне и шепчет:

— Успокойся, Вивьен.

Его губы едва касаются моей щеки, слегка поглаживая мою кожу. И пусть это касание было мимолетно, я кое-что вспомнила. Я вспомнила поцелуй так много лет назад.

— Вивьен, я не могу дождаться, чтобы показать тебе возможности, — говорит он, словно спустя столько лет это нормальное приветствие.

— Ной?

— У нас будет уйма времени на то, чтобы все вспомнить, я помогу тебе изучить варианты.

— Варианты?

— Да, варианты создания твоего собственного Рая.

Варианты? Рай? Прежде чем мне удалось сформулировать девять сотен вопросов, которые, естественно, меня интересуют, ослепляющая белизна вымыла всю картинку. Моргаю. Все исчезло. И какой-то мужчина вставляет трубки мне в нос.

* * *

Я полна морфина, всемирного наркотика, так что, увы, у меня не вышло голливудской реакции на происходящее. К моей голове и шее прикреплен металлический ореол, устремляющий мой взгляд в круглую лампу на белом потолке, а прямо под мой подбородок заправлена белая простыня. Пытаясь рассмотреть комнату, я увидела еще кое-что белое. Мужчина с трубками сообщает какие-то медицинские термины кому-то вне поля моего зрения. Его раздутые бледные щеки и округлый нос напомнили мне кого-то по имени О'Брайен, или Мак-Афи, или Каллахан. Знаете, он выглядел очень по-ирландски.

Пульсирует каждый нерв моего тела, а монитор над головой воет, словно сирена, взывая к мужчине нажать на мигающие кнопки. А эти белые стены, белое одеяло, белые простыни, эта трубка с жидкостью, которую они подсоединили к моим венам, их лекарства, их шепот, эти цилиндры, заключающие меня в гипсовый каркас, — все это, все, каждое слово, душит меня этой суровой реальностью. До чего же мне хотелось вернуться к живописному мосту. В мұках я попыталась закусить губу; оказалось, я не могу сделать даже этого.

Предположительно ирландец приложил два пальца к моему оголенному запястью и изучил мои открытые глаза.

— Я твой медбрат, милочка. Седативные и болеутоляющие снова подействуют через пару секунд. Успокойся, дорогуша. Давай вместе считать.

Восемь. Дыши.

Семь. Дыши.

Шесть. Не забывай дышать.

Пять.

Четыре.

И три, милая.

Два.

Один.

Один, дыши, успокойся, милая.

Меня действительно накрыла теплая волна: *успокойся, милая*. Судя по моему обмундированию и неподвижности, я поняла, что ужасная тошнота, которую я чувствую, перекрывает

неописуемую боль, что хранится на бухте, сдерживаемой тонкой панацеей наркотиков. Одна небольшая капля на каком бы то ни было химическом уровне, который поддерживает мой медбрат, может отправить меня в глубины Ада. Дьявол мучений только и ждет возможности снова раскрошить мои кости бульдозером и проткнуть мои органы тупыми вилами.

Медбрат, по-видимому удовлетворившись результатом подсчета моего пульса, легкими ударами прошелся мокрой прохладной ватой по уголкам моих глаз.

— Ну, привет. Мы и не думали, что ты сегодня проснешься, — сказал он.

— Что случилось? — удалось пробормотать мне сквозь сомкнутые губы.

Мужчина рассмеялся. О, это был искренний, раскатистый смех, а его широкие, полные плечи пружинили и тряслись, словно желе.

— Ухуууу, уууухуууу, уууу, хаааа, так, значит, у нас здесь юмористка, — сказал он, проверяя зажим на моем пальце, делая какие-то пометки и глядя на диаграмму, зажатую между его мягким пузом и левым запястьем.

— Мммм, — промычала я в ответ.

— Милая, ты проделала огромную работу над собой, дорогуша. Пришлось подражаться со старым добрым грузовиком, а? Разве мама не говорила, что все они сделаны из стали? Ты просто прелесть, дорогуша, прелесть.

Стоп! Я что, в какой-то южной больнице? Но если так, то он должен был сказать: «Тебя покорежило, подруга, но я спас тебе жизнь». Последнее, что я помню, — это то, как я, словно чертов зомби, бросилась под колеса грузовика.

— Где я?

Казалось, я провела минут десять, пытаюсь выдавить из себя этот вопрос.

— Ты в больнице штата Массачусетс, дорогая. В старой доброй реанимации. Ты здесь уже сутки. Сегодня среда. Ммммхммм. Доктора оперировали тебя целых десять часов. И, я думаю, они довольно хорошо справились.

— Откуда (кашель) (пауза) (вдох). Вы (пауза) (пауза). Родом?

— Так вот что тебя беспокоит? Откуда старый добрый я родом? Ну разве ты не прелесть? Самая что ни на есть прелесть.

Я моргаю. Медленно. Размеренно. Моргаю. Разговоры, оказывается, требуют ядерной энергии на этой стороне белых огней.

— Что ж, черт побери, мало кто меня о чем-либо спрашивает. Большинство моих пациентов в реанимации довольно молчаливы. Я ухаживал за одной леди, которая лежала в коме целый год. Я постоянно читал ей вслух. Теперь моя леди уж точно не спросит, откуда я. Они забрали ее две ночи назад. Ангелы. Забрали ее около двух ночи. То есть я не видел ангелов своими глазами, но, казалось, слышал шепот или что-то вроде того. Я тогда был посередине статьи о ранчо в долине Кармель, в Калифорнии. Звучит просто идеально, и моя леди... что ж, мне показалось, что она тоже улыбается... А может, это из-за наркоза. Но тогда стон, свист, и я поднимаю взгляд. И больше никакой улыбки. Никакой. Лишь плоская, ровная линия сомкнутых губ, к сожалению, совпадающая с линией на кардиомониторе. Что ж, моя леди, теперь мы лишь одинокие птички на старом кладбище Раунд-Рок. Я из самой-самой глубинки Миссисипи, прелесть. Оттуда, где аллигатора держат в роли питомца. Я белый гей с круглым, но гордым животом, а еще я скучаю по рыбалке рядом с домом моей старой доброй тетушки! Тебе нравится, милая? Вижу, ты улыбаешься. У меня есть уйма историй для тебя, дорогуша. А ты лишь продолжай бороться ради меня, ладно?

Мне захотелось обнять этот большой гомосексуальный самоцвет. Захотелось поцеловать его лунообразное лицо, пригладить его тусклые волосы и сказать, что я в восторге от его акцента. Мне захотелось стать ему другом, читать с ним журналы о путешествиях, потягивать вино или пиво и есть жареную южную еду во время длинных обедов, сплетничать, болтать, слушать его «уйму историй» и выяснить, почему он так одинок на «старом Раунд-Роке». В жизни я легко привязываюсь к людям. Иногда даже самое элементарное подмигивание в мою сторону или простой блеск в глазах незнакомца способны растопить мое сердце, сделанное из швейцарского сыра. Я испытываю огромную слабость к доброте и страсть к рассказчикам.